хорошо организованные, обладающие адаптивными способностями, проявляющие разумную инициативу, желание идти на оправданный риск, внедрять новации предопределяют гибкость и развитие организации.

Список литературы

1. *Глущенко, Е.В., Захарова, Е.В., Тихонравов, Ю.В.* Теория управления. – М., 1997.

2. *Мильнер, Б.З.* Теория организации: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003.

3. *Соломанидина, Т.О.* Организационная культура в таблицах, тестах, кейсах и схемах: учебно-методические материалы. – М., 2009.

4. *Спивак, В.А.* Корпоративная культура (теория и практика). – СПб.: Питер, 2001.

5. *Удальцова, М.В.* Социология управления. – М.,1999.

© Березин Г.Н., 2011

О.А. Полюшкевич

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА*

ПОЛЮШКЕВИЧ Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета (e-mail: okwook@mail.ru)

***Аннотация**. Анализируются особенности социокультурной преемственности в современном обществе. Рассматриваются формы и способы консолидации общества, данные кросскультурного исследования социокультурной преемственности.*

***Ключевые слова**: социокультурная преемственность, социальная консолидация, социальная динамика.*

* Исследование выполнено при поддержке Государственного контракта № 16.740.11.0421 Федеральной целевой программы Минобрнауки России «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010–2012 гг.), исследовательский проект «Ресурсы консолидации российского общества: институциональный анализ» (Руководитель проекта – д-р филос. наук проф. О.А. Кармадонов).

Социальная интеграция современного общества – одна из первоочередных задач любого государства. Современные процессы вестернизации качественно изменили социокультурное пространство многих стран, заставив их отказаться от своего прошлого (от традиционных форм ведения экономики, политических интересов, культурного опыта и т. д.), переориентироваться на новые ценности. Эти процессы происходили в 60-е гг. XX века в Японии, в 70-е – в Латинской Америке, в 90-е гг. – в России. Они не прошли бесследно: с одной стороны, государства существенно изменили экономический уклад и политическую культуру, с другой – социокультурные изменения произошли не во всех сферах, сильны еще старые представления. Данное противоречие вносит дисбаланс в общественное развитие, а порой и антиномичность. Нарушаются межпоколенческие связи и преемственность; утрачиваются ценности коллективизма и приоритет ценностей индивидуализма, характерные для общества. Происходит конфликт между традиционными ценностями в области морали и нравственности, веры и религии, этническими и национальными основами жизни конкретной страны. Наконец, проблематизирована сама базовая нормативно-ценностная система, на основе которой может и должен формироваться социальный консенсус.

Цель нашего исследования – сравнение двух разных по культуре, традициям и истории стран, но одинаково подвергшихся культурной экспансии США – России и Португалии.

Глубокая трансформация разных сторон бытия российского и португальского обществ, начавшаяся в последней четверти прошлого века в России (с 1985 г.) и в последней трети прошлого века в Португалии (с 1976 г.) и продолжающаяся по сей день, изменила практически всю структуру общественных отношений как в ее морфологическом, так и содержательном планах. В силу этого рефлексия по поводу уровня социальной интеграции, основных ее характеристик, сфер реализации и перспектив является крайне необходимой для рассматриваемых обществ. Очевидно, что задачи модернизации, которые ставит современное высшее руководство как в России, так и в Португалии, практически невыполнимы без должного уровня социальной консолидации.

Описание и понимание символических изменений социальных реалий, выраженных в изменении различных форм социальной солидарности, позволяет понять и проанализировать причины и следствия современных событий, тем более что символические системы не имеют однозначного смысла. Этот смысл «разлит» в конкретном времени и пространстве, поэтому важно рассматривать не абстрактные символические структуры, а конкретные формы и значения, которые они приобретают в различные временные отрезки. Благодаря этим системам формируются новые модели социальных действий и отношений, отражающих новые конфигурации социальной солидарности общества.

По мнению основателя социологии О. Конта, социальная солидарность представляет собой факт и процесс, статику и динамику интеграции человеческого сообщества, в котором равные роли играют как прямое насилие, так и духовное воздействие, как практическая организация деятельности общества, так и ее духовная санкция или легитимация[1]. Любая социально-политическая структура использует механизмы «кнута» и «пряника», чтобы удержать свое положение в обществе. Этот процесс подтверждают все политические трансформации и рокировки, происходящие в обществе.

Э. Дюркгейм убедительно показал, что в период общественных трансформаций усиливается органическая солидарность и уменьшается влияние механической солидарности[2]. В Советском Союзе и в Португалии времен Салазара доминировала именно механическая солидарность, так как приоритетными были коллективные интересы и ценности. В современной России и Португалии благодаря демократическим реформам и вестернизации общества формируются установки органической солидарности, определяемые личной инициативой и развитием индивидуализма во многих социальных группах.

По мнению К. Маркса, социальная разобщенность общества формируется под воздействием идей капитализма и индивидуализма, социальная консолидация возможна только тогда, когда общество строится на идеях социализма[3]. Однако одинаково угнетенное положение и коллективный характер труда еще больше сплачивают рабочих и выливаются в стихийные или организованные выступления (митинги, забастовки), целью которых является защита их прав. Эти действия способствуют сплочению и восприятию себя как класса. Современные опросы общественного мнения в России и Португалии подтверждают такое положение вещей. Например, в исследованиях Л.Д. Гудкова и О.А. Кармадонова показаны формы «негативной консолидации» российского общества (раздражение, страх, ненависть); разрушающиеся надежды на позитивные перемены в будущем, на улучшение своей жизни и жизни своих детей[4]. Те же процессы отмечают и португальские ученые (Ф. Гонсалвес, А. Буэрос и др.), изучая современное португальское общество[5].

---

[1] См.: *Конт, О.* Курс положительной философии / Западноевропейская социология. XXI века. – М., 1996.

[2] См.: *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996.

[3] См.: *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 Глава «Немецкой идеологии») / К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1985.

[4] См.: *Гудков, Л.Б.* Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 46–57; *Кармадонов, О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 29–41.

[5] *Gonsalves, F.* Solidarity and identification Portugal people. – Portugal, Faro, University Algarve. – 2010; *Buaros, A.* Solidarity in Portugal society. – Portugal, Porto, University of Porto Business School. – 2008.

М. Вебер рассматривал солидарность через призму социального действия[1]. Интеграция индивидов происходит на основе чувства принадлежности участников, мотивация которых определена аффективным порядком или же на основе общественно ориентированного поведения, являющегося результатом солидарности. Многие социальные процессы иллюстрируют достоверность выводов М. Вебера. Массовые социальные акции (будь то Манежная площадь в Москве в конце 2010 г. или революции в Африке начала 2011 г.) – это формы консолидации людей против режима, отдельных политических мер или конкретных людей или отсутствие толерантности в обществе и возникновение межэтнических противоречий. Подобные общественные акции изменили социальное устройство не только тех государств, где они происходили, но и всего мира.

Т. Парсонс рассматривал солидарность двояко: с одной стороны, как социальную систему вообще, с другой – как комплекс динамичных поведенческих взаимодействий акторов, которые выступают главным условием стабильности и воспроизводства социальной системы через социальный контроль над внутренними и внешними изменениями[2]. Один тип консолидации формировался в советском и португальском обществе до 1974 г. как системы, определяющей условия для социокультурного развития всего общества, все социальные институты были направлены на контроль и регулирование жизни человека во всех ее сферах.

После «революции гвоздик» в Португалии в 1974 г. и «перестройки» в СССР в 1985 г. начал формироваться иной принцип солидарности, где сложно формировать единство на основании формальных признаков принадлежности к одной социально-профессиональной группе или классу. Жизненный мир, жизненный опыт отдельных индивидов и целых социальных групп не носит локального, узконаправленного характера, он плюралистичен в своей основе. Люди и группы идентифицируют себя не с одной, а с множеством социальных групп. Критерии идентичности и самоидентичности существенно расширяются.

Если до конца XX в. человек рождался уже принадлежащим к определенному классу и это определяло его судьбу, то сейчас эти законы не действуют. Социальная мобильность позволяет многим изменить свой статус, положение, возможности и пр. Но при этом, как отмечает Ульрих Бек, сейчас возникают новые риски – нет ничего, что могло бы дать какую-то гарантию о будущем. «...Ситуации риска, напротив, несут в себе другую опасность. В них нет ничего само собой разумеющегося... Такого рода подверженность опасности не вызывает социальной сплоченности, которая ощущалась бы как пострадавшими, так и другими людьми. Не появляется ничего, что могло бы сплотить их в социальный слой, группу или класс... в

[1] См.: *Вебер, М.* Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
[2] См.: *Парсонс, Т.* Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1997.

классовом обществе бытие определяет сознание, а в обществе риска сознание... определяет бытие»[1].

П. Бурдье, говоря о социальной консолидации общества, обозначает необходимость насилия и внедрения символических комплексов для ее поддержания[2]. Современное общество во многом утратило символическое пространство советского прошлого (знания и представления населения о идеологемах общественного развития, консолидирующих общество) и не сформировало новое – отсюда ключевые проблемы разобщенности населения. Тот же процесс наблюдается и в Португалии, когда старые ценности уже разрушены, а новые готовы поддерживать и разделять далеко не все члены общества.

Таким образом, понимание социальной консолидации в науке не было однородным. Одни авторы, видели в ней условие социального развития (Дюркгейм, Маркс), другие предлагали ей роль, содержащую своеобразное условие существования в системе через систему действий (Вебер, Парсонс, Бурдье). В любом подходе социальная консолидация выступает критерием изменения и относительной стабилизации социального развития. Особые формы она может приобретать в разных странах на основе их социокультурного несовпадения.

Данная работа является попыткой показать проблемы и возможности консолидации двух стран – России и Португалии.

Методика исследования

Формы и способы объединения народа в Португалии, действующие последние 35 лет, а в России, разворачивающиеся последние 25 лет, не эффективны в современных условиях. Эти условия изменились, и оценка прошлого и настоящего совсем иная. В нашу задачу входит анализ изменения самосознания жителей анализируемых стран, анализ формы солидарности, проявляющихся сегодня. Для этого была разработана схема анализа, включающая в себя несколько этапов.

Первый этап включал в себя проведение опроса. Целью этого блока было выявление социокультурных отличий в формах консолидации общества внутри России и Португалии. Всего опрошено 502 человека в России и 482 человека в Португалии в возрасте от 18 до 65 лет. Погрешность выборки не превышает 3%. Обработка результатов анкетирования велась при помощи программы *SPSS* – использовался факторный анализ.

Второй этап включал в себя проведение фокус-группового исследования в разных городах России и Португалии с целью более глубинного анализа ценностей и идеалов россиян и португальцев, влияющих на

[1] *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М: Прогресс – Традиция, 2000.

[2] *Bourdieu, P.* Language and Symbolic Power. – Cambridge: Harvard University Press, 1991.

их идентичность и солидарность. Было проведено 12 фокус-групп (по 6 с каждой стороны) в которых приняло участие 108 человек (56 в России и 52 в Португалии). В исследовании принимали участие люди в возрасте от 18 до 65 лет, имеющие разный социальный статус и профессиональную принадлежность, неодинаковый уровень образования и семейное положение.

Использовалась также методология контент-анализа и транссимволического анализа. Контент-анализ позволил определить наиболее частотные категории, раскрывающие цель исследования. Транссимволический анализ дал возможность проследить когнитивные, аффективные и деятельностные формы и смыслы анализируемых явлений. В российской выборке в виде существительных (когнитивный смысл), прилагательных (аффективный смысл) и глаголов (деятельностный смысл), в португальской – анализировались формы выражения фраз или метафор, связанных с определением и характеристикой анализируемых явлений. По каждому из явлений были выделены основные единицы анализа, которые были сведены в несколько переменных или категорий анализа.

Результаты исследования

Анализируя ответы респондентов из двух стран, мы пришли к выводам, что ключевые вопросы консолидации общества упираются в проблемы воспроизводства социальной системы, а именно выражаются в потере социальной преемственности между поколениями.

Социальная преемственность – это объективная социокультурная закономерность постоянного воспроизводства общественных отношений встроенных в социокультурную матрицу (основу социального порядка любого общества, народа или государства). Благодаря социальной преемственности осуществляются отбор, сохранение, освоение, передача и переработка опыта всех предшествующих поколений. Без нее невозможно представить дальнейшее общественное развитие. В теории М. Мид – это так называемая постфигуративная культура, где дети учатся у своих отцов. Современные общественные трансформации качественно изменили структуру и возможности осуществления социальной преемственности. Российское общество до 1985 г. и португальское общество до 1974 г. развивались по типу традиционной преемственности – максимального использования опыта предшествующего поколения[1]. Этому способствовала общая идеологическая обстановка: в России, формируемая идеями коммунистической партии, в Португалии – формируемая идеологическими по-

[1] Стоит отметить, что в России после 1917 г. произошел сильный отрыв от опыта предшествующих поколений. При этом в советское время каждое новое поколение опиралось на результаты предшествующего поколения, поэтому можно говорить о традиционном типе преемственности и в СССР. – *Прим. авт.*

ложениями корпоративного государства Антонио Салазара. В обществах одинаково сильно прослеживалось сильное воздействие на мировоззрение, стиль и нормы поведения, воспитание детей, духовно-нравственные ценности и приоритеты.

На вопрос, как часто в своей жизни вы опираетесь на опыт предшествующих поколений, респонденты и в России и в Португалии отвечали в соответствии со своим возрастом. Только в установках людей старшего поколения остались принципы поддержания устоявшегося уклада, следования традициям (52% и 64% соответственно). У людей среднего возраста идеалы прошлого остаются скорее декларируемыми ценностями, а реальное поведение их свидетельствует об ориентации на собственные знания и опыт современников (следуют традиции только 29% и 43% соответственно). Среди молодых людей установки на оперирование знаниями прошлых поколений еще меньше (21% и 35% соответственно).

Нормы и условия жизни изменились для всех: и для тех, кто придерживался традиционной модели, и для тех, кто ратовал за перемены. Но оценка этих трансформаций не одинакова как у первых, так и у вторых. Время перемен, начавшееся в 1974 г. для Португалии и в 1985 г. – для России, можно назвать временем радикальной модернизации, когда стала нарушаться направленность трансляции социокультурного опыта поколений, т. е. вместо традиционной преемственности происходит социокультурная диффузия: общество раскалывается на тех, кто придерживается традиционной модели и поддерживает жизнь и уклад жизни прежних поколений (консерваторы), и тех, кто ратует за перемены, новый опыт и знания (пример развития конфигуративной культуры в теории М. Мид). В современной России и в Португалии есть целые поколения тех, кто вырос в новой системе, для них все меньшую роль играют ценности и приоритеты, установки и представления их родителей.

Сегодня важно, что опыт передается не от старших к младшим, а в разных группах и между разными группами носителей новых знаний, навыков или идеологии. Начинается накопление нового социокультурного опыта. Из ответов респондентов можно сделать вывод, что все социальные группы говорят о финансовом положении, о новой системе стратификации и разобщении общества на этой основе, о формировании разных по интересам и возможностям социальных групп. Стало быть, разрыв преемственности поколений происходит не на основе социокультурного развития, а на основе экономических и политических преобразований. Процесс единого консолидирующего пространства усложняется новыми рамками и возможностями населения.

Современное общество в большей степени соответствует реверсивной модели (или типу префигуративной культуры, по М. Мид). Фрагментарная модернизация касается лишь отдельных сторон жизни россиян и португальцев – идеологии, экономики, политического строя, преступности и т. д.,

но базовые элементы культуры остаются неизменными. Уважение к прошлой эпохе всего лишь декларируется, отдается дань прошлому, но не переносится в реальную настоящую жизнь. Приоритетным явлением становится не использование опыта предшествующих поколений, а через процессы диффузии копирование нового, не проверенного опытом поколений знания, трансформирующего социокультурное пространство страны. Немаловажную роль в этом процессе стоит отвести вестернизации. Кроме того, нигилистическое восприятие опыта старших поколений приводит к разрушению авторитета старших поколений в глазах молодых.

Новации усваиваются старшим поколением медленнее, чем молодым, формы адаптации проходят тяжелее и болезненнее. Старшие поколения не успевают за темпом жизни младших, и это порождает социокультурное несоответствие новым реалиям. Чтобы этого избежать, старшее поколение вынуждено учиться у младших, что приводит к социокультурному разрыву.

Итак, социокультурный разрыв преемственности поколений происходит из-за нарушения аккумуляции социально значимых знаний и опыта, формирование систем ценностных ориентаций, новой системы оценки приемлемости или неприемлемости поведения и мышлений разных поколений. Но без социокультурного опыта прошлых поколений невозможно воссоздать формы солидарности в современном обществе. Социокультурную консолидацию можно рассматривать как моральную ценность общества, как систему особого социального порядка, как систему взаимоотношений индивидов. Понимание особенностей возникновения и развития социокультурной солидарности в России и Португалии может стать одной из основ устойчивого развития данных стран.

Список литературы

1. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс – Традиция, 2000.

2. *Вебер, М.* Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.

3. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996.

4. *Гудков, Л.Б.* Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6.

5. *Кармадонов, О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. – 2008. – № 2.

6. *Конт, О.* Курс положительной философии / Западноевропейская социология XXI века. – М., 1996.

© Полюшкевич О.А., 2011